

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОН

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾, М. ШМИГЕЛЬ²⁾, И. Л. ЖЕРЕБЦОВ³⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Университет Матейя Бела, ул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бистрица, Словакия

³⁾Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, ул. Коммунистическая, 26, 167982, г. Сыктывкар, Россия

Анализируется использование историко-географического и геополитического понятия «исторический регион» по отношению к новым независимым государствам Центральной Азии (Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Таджикистан, Туркменистану и Республике Узбекистан), а также роль феномена постсоветской идентичности в формировании современных наций и государств. Термин «исторический регион» интерпретируется как территория, которая в некое историческое время охватывала определенное политическое, экономическое, культурное, этнографическое, языковое и ментальное пространство. Отмечается, что в советское время было предпринято множество мер по нацистроительству на бывших окраинах Российской империи. Показываются особенности центральноазиатской исторической политики в социальном, географическом (геополитическом) и темпоральном отношении. В сложной структуре различных уровней исторической памяти образ советского прошлого интерпретируется как набор описаний, идей и образов прошлого, генерируемых властным дискурсом, как коллективные обыденные представления о прошлом, а также как индивидуальная память, объединяющая личность с определенной социальной стратой. Делается вывод о том, что региональные и глобальные проблемы не позволяют странам Центральной Азии выработать единую стратегию по сохранению исторической памяти. Отмечается, что попытки упрощения ее до некой общей парадигмы искажают реальную ситуацию, так как отношение к имперскому и советскому периодам истории в каждом из государств Центральной Азии имеет свою специфику.

Ключевые слова: Центральная Азия; Республика Казахстан; Кыргызская Республика; Республика Таджикистан; Туркменистан; Республика Узбекистан; советское прошлое; постколониальный дискурс; нацистроительство.

Образец цитирования:

Меньковский ВИ, Шмигель М, Жеребцов ИЛ. Центральная Азия как исторический регион. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:54–62. EDN: KOZVZZ

For citation:

Menkovski VI, Šmigel' M, Zherebtsov IL. Central Asia as a historical region. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:54–62. Russian. EDN: KOZVZZ

Авторы:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Михал Шмигель – кандидат наук (история), доцент; доцент философского факультета.

Игорь Любомирович Жеребцов – доктор исторических наук; директор.

Authors:

Viachaslau I. Menkovski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

menkovski@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-3417-4589>

Michal Šmigel', PhD (history), docent; associate professor at the faculty of arts.

michal.smigel@umb.sk
<https://orcid.org/0000-0003-2255-3135>

Igor L. Zherebtsov, doctor of science (history), director.
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7115-4547>

ЦЭНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ЯК ГІСТАРЫЧНЫ РЭГІЁН

В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1}, М. ШМИГЕЛЬ^{2*}, І. Л. ЖАРАБЦОЎ^{3*}*

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

^{2*} *Універсітэт Мацея Бела, вул. Народна, 12, 97401, г. Банска-Бістрыца, Славакія*

^{3*} *Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення РАН, вул. Камуністычная, 26, 167982, г. Сыктывкар, Расія*

Аналізуецца выкарыстанне гісторыка-геаграфічнага і геапалітычнага паняцця «гістарычны рэгіён» у дачыненні да новых незалежных дзяржаў Цэнтральнай Азіі (Рэспублікі Казахстан, Кыргызскай Рэспублікі, Рэспублікі Таджыкістан, Туркменістана і Рэспублікі Узбекістан), а таксама роля феномена постсавецкай ідэнтычнасці ў фарміраванні сучасных нацый і дзяржаў. Тэрмін «гістарычны рэгіён» інтэрпрэтуецца як тэрыторыя, якая ў нейкі гістарычны час ахоплівала пэўную палітычную, эканамічную, культурную, этнаграфічную, моўную і ментальную прастору. Адзначаецца, што ў савецкі час былі прадпрыняты шматлікія меры па нацыябудаўніцтву на былых ускраінах Расійскай імперыі. Паказваюцца асаблівасці цэнтральнаазіяцкай гістарычнай палітыкі ў сацыяльным, географічным (геапалітычным) і тэмпаральным аспектах. У складанай структуры розных узроўняў гістарычнай памяці вобраз савецкага мінулага інтэрпрэтуецца як набор апісанняў, ідэй і вобразаў мінулага, якія генеруюцца ўладным дыскурсам, як калектыўныя штодзённыя ўяўленні аб мінулым, а таксама як індывідуальная памяць, што аб'ядноўвае асобу з пэўнай сацыяльнай стратай. Робіцца выснова аб тым, што рэгіянальныя і глабальныя праблемы не дазваляюць краінам Цэнтральнай Азіі выпрацаваць адзіную стратэгію па захаванні гістарычнай памяці. Адзначаецца, што спробы спрашчэння яе да нейкай агульнай парадыгмы скажаюць рэальную сітуацыю па той прычыне, што стаўленне да імперскага і савецкага перыядаў гісторыі ў кожнай з дзяржаў Цэнтральнай Азіі мае сваю спецыфіку.

Ключавыя словы: Цэнтральная Азія; Рэспубліка Казахстан; Кыргызская Рэспубліка; Рэспубліка Таджыкістан; Туркменістан; Рэспубліка Узбекістан; савецкае мінулае; посткаланіяльны дыскурс; нацыябудаўніцтва.

CENTRAL ASIA AS A HISTORICAL REGION

V. I. MENKOUSKI^a, M. ŠMIGEL^b, I. L. ZHEREBTSOV^c

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

^b *Matej Bel University, 12 Narodna Street, Banska Bystrica 97401, Slovakia*

^c *Institute of Language, Literature and History Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar 167982, Russia*

Corresponding author: V. I. Menkovski (menkovski@bsu.by)

The use of the historical, geographical and geopolitical concept of «historical region» in relation to the newly independent states of Central Asia (the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan) is analysed, as well as the role of the phenomenon of post-Soviet identity in the formation modern nations and states. The term «historical region» is interpreted as a territory that, at a certain historical time, covered a certain political, economic, cultural, ethnographic, linguistic and mental space. It is noted that in Soviet times, many nation-building measures were taken on the former outskirts of the Russian Empire. The features of Central Asian historical politics in social, geographical (geopolitical) and temporal terms are shown. The image of the Soviet past is interpreted in a complex structure of various levels of historical memory as a set of descriptions, ideas and images of the past generated by power discourse, as collective everyday ideas about the past, and as an individual memory that unites a person with the social stratum. It is concluded that regional and global problems do not allow the countries of Central Asia to develop a unified strategy for preserving historical memory. It is noted that attempts to simplify it to a certain general paradigm distort the real situation, since the attitude towards the imperial and Soviet periods of history in each of the Central Asian states has its own specifics.

Keywords: Central Asia; Republic of Kazakhstan; Kyrgyz Republic; Republic of Tajikistan; Turkmenistan; Republic of Uzbekistan; Soviet past; post-colonial discourse; nation-building.

Введение

Для раскрытия темы необходимо определиться с ключевыми терминами работы. В контексте исследования Центральной Азии как историческо-

го региона наиболее важным аспектом, требующим уточнения, выступает географический (региональный) аспект. С точки зрения географической

науки¹ Центральная Азия – это обширный регион, включающий в себя, помимо Средней Азии и Казахстана, Монголию, западную часть Китая и Южную Сибирь. Объектом настоящего исследования является исторический регион Туркестана, с XIX в. входящий в состав Российской империи. В работе С. Глебова отмечается, что с помощью использования категории «исторический регион» историки преодолевают детерминизм кажущихся самоочевидными национальных нарративов и политических границ, не позволяя проецировать на прошлое современные политические условия. Так, «регионы не являются естественными пространственно-социальными единицами, но складывались исторически, создавались в результате административных реформ, оформлялись в силу географических причин» [2].

Туркестанский регион состоит из трех частей – Восточного Туркестана, Западного Туркестана и Южного Туркестана. После того как во второй половине XIX в. большая часть земель Центральной Азии вошла в состав Российской империи, в употреблении появились понятия «русский Туркестан», «восточный Туркестан» (принадлежавший Китаю) и «афганский Туркестан» (включавший северные районы Ирана и Афганистана). Определение «русский Туркестан» имело только административное значение. Границы этого региона менялись в зависимости от политической ситуации. Первоначально под термином «русский Туркестан» подразумевалось Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, учрежденное в 1867 г. царским правительством. В 1886 г. оно было переименовано в Туркестанский край. В 1918 г. на территории русского Туркестана была создана Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика – автономная республика в составе РСФСР.

В ходе национально-государственного размежевания в 1920–30-х гг. на территории Туркестана были образованы Туркменская, Узбекская, Таджикская и Киргизская советские республики, в отношении которых стало использоваться определение «Средняя Азия». Возникло новое географическое понятие «Средняя Азия и Казахстан». В 1992 г. на саммите государств Средней Азии президент Казахстана Н. А. Назарбаев предложил отказаться от этого определения в пользу термина «Центральная

Азия», который охватывал все постсоветские государства указанного региона². Таким образом, сегодня именование региона производится на основе не географического, а регионального геополитического принципа³.

Опираясь на множественные определения понятия «исторический регион», авторы статьи предлагают интерпретировать его как территорию, которая в некое историческое время⁴ охватывала определенное политическое, экономическое, культурное, этнографическое, языковое и ментальное пространство. В самосознании местного и окружающего населения, дискурсах местных и внешних властных формирований это пространство могло восприниматься как гомогенная структура.

На определенной территории могут находиться разные исторические области. По площади они могут быть меньше страны расположения, соответствовать ей (необязательно в современных границах) или превосходить ее.

Такие геополитические формулировки, как «постсоветские страны», «новые независимые государства», представляются достаточно противоречивыми. Специалисты отмечают: «Сложность определения феномена постсоветской идентичности связана с несколькими уровнями наслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать само явление постсоветского пространства, воспринимая его как политический конструкт» [6, с. 54]. В научной литературе до сих пор нет консенсуса по поводу территории, которая более 30 лет назад относилась к Советскому Союзу, а сейчас юридически принадлежит другим государствам. Конечно, понятие «постсоветское пространство» является конструируемым. Вместе с тем необходимо понимать, что формирование такого конструкта, как регион, обусловлено особенностями природного ландшафта, а также отношениями между человеком и тем, что его окружает. Эти основания обеспечивают осязаемость региональной перспективы. Иначе говоря, «подобно нациям и государствам регионы формируются в рамках сложного взаимодействия между изобретенным и реальным, между идеей и материей» [7].

¹ Авторы согласны с мнением А. Усмановой о том, что «география никогда не была политически невинной/нейтральной наукой, хотя под прикрытием процедур достижения научной объективности ее политическое бессознательное удавалось скрывать до тех пор, пока на рубеже XIX–XX веков геополитика не утвердилась в качестве самостоятельного направления исследований на стыке географии, социологии, экономики и политических наук» [1, с. 44].

² Аканаева А. Почему Центральная Азия, а не Средняя [Электронный ресурс] // The Village Казахстан. URL: <https://www.the-village-kz.com/village/city/asking-question/29119-pochemu-tsentralnaya-aziya-a-ne-srednyaya> (дата обращения: 11.05.2023).

³ В данном контексте уместно привести слова Л. П. Репиной о том, что противоречивые дефиниции региональной истории и ее предмета отражают различия в трактовках понятия «регион», прежде всего в его пространственных масштабах (на основе географического критерия) или дифференциации изучаемых регионов на внутрисоветские и надгосударственные (на основе административного или геополитического критерия) [3, с. 7]. Таким образом, «регион – это целостность и одновременно часть целого, обладающая, с одной стороны, признаками гомогенности (однородности), с другой стороны, признаками когерентности (внутреннего единства, системности) [4, с. 36].

⁴ Авторы разделяют точку зрения А. Про о том, что «... время не дано историку как какое-то время, где-то там существующее до начала его исследования. Оно выстраивается историком благодаря специальной работе» [5, с. 116].

Вероятно, понятие «исторический регион» не имеет объективного толкования⁵. Для обозначения этого феномена современные исследователи используют условные термины, которые являются крайне уязвимыми с научной точки зрения. По мнению авторов статьи, использование данных терминов целесообразно, но со временем они будут заменены понятийным аппаратом новой геополитической реальности. Постсоветскость будет восприниматься как прошедшее явление: «...регионы сами по себе историчны. Со временем они меняются – растут, уменьшаются или обретают иной статус. Некоторые становятся отдельными государствами, другие, напротив, теряют свою независимость, и их название дает имя новому региону» [7].

Можно согласиться с утверждением о том, что «понятие “постсоветское пространство” подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие “новые независимые государства” характеризует логику сегодняшнего дня – существование суверенных стран – бывших союзных республик; понятие “ближнее зарубежье” выступает проекцией устремлений бывшего имперского центра на ранее подконтрольные ему территории» [8, с. 45]. В последние годы термин «ближнее зарубежье» практически вышел из употребления и заменяется понятием «русский мир», несущим в себе в большей степени постимперскую, а не постсоветскую коннотацию.

Методология исследования

При подготовке статьи основное внимание уделялось исследованию процесса формирования исторического региона и государственной политики нациестроительства в Центральной Азии. Использование метода интерпретации позволило соотнести отдельные регионы и страны, а также раскрыть содержание процесса нациестроительства через

внешние проявления знаков и символов исторической политики. Метод включенного наблюдения дал возможность изучить определенные социальные группы в повседневных жизненных обстоятельствах, а также государственные структуры в естественных условиях функционирования (в Республике Казахстан и Туркменистане).

Результаты и их обсуждение

Терминология современной политической и исторической науки по отношению к тому, что происходит в постимперский период, достаточно жесткая: «постколониальные исследования», «общества травмы», «постимперский синдром» и т. д. Постколониальный дискурс антагоничен колониальному мышлению предшествующих веков. Колониальный дискурс кратко, но точно укладывается в тезис о миссии белого человека, несущего недоразвитым народам культуру, перспективы и цивилизацию. «Небелые» («другие», «чужие») выступают только в качестве объектов исторического процесса, но никак не в качестве его субъектов⁶. Насилие, применяемое к объектам, конечно, лучше было бы исключить из колониальной практики, но, к сожалению, по-другому с «туземцами» и «иногородцами» строить отношения невозможно в силу их «дикости» и «нецивилизованности».

После распада колониальных империй властным структурам и обществу метрополий пришлось менять алгоритм мышления в отношении бывших покоренных народов, а научному сообществу нужно было выстраивать новую методологию исследования имперского (колониального) и постимперского (постколониального) периодов истории.

В историографии последних десятилетий нет единой точки зрения по поводу советского периода истории Центральной Азии⁷. Часть исследователей утверждают, что Советский Союз был колониальной империей подобно Британской империи или Второй империи во Франции. По их мнению, советское управление Средней Азией обеспечило модернизацию региона, при этом имели место экономическая эксплуатация местных ресурсов, насаждение коренному населению западных культурных норм и установление политического контроля

⁵В данном контексте идет дискуссия не только о постсоветском периоде, но и о многих других прошедших эпохах. Например, М. Мюллер критически относится к термину «постсоциализм». Он пишет о том, что «...пришло время попрощаться с постсоциализмом. Прощаться с термином, который изначально задумывался как временный, но исчерпал себя и связывает нас с прошлым, а не с будущим, привязывает нас к определенной территории, а не помогает преодолевать границы (перевод наш. – В. М., М. Ш., И. Ж.)». (Müller M. Goodbye, Postsocialism! [Electronic resource] // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, issue 4. P. 533-550. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2019.1578337> (date of access: 10.05.2023).)

⁶Исследователи Д. Б. Казаринова и А. А. Дунамалян отмечают, что «...дистанция между коренным населением и государством мало где была более значительной, чем в Средней Азии, которая стала последней крупной территорией, присоединенной к империи. <...> В целом различия между “туземцами” и “европейцами” прослеживались во всех проявлениях повседневной жизни и в организации пространства. <...> В Средней Азии сложилось двухкомпонентное общество, где коренное население и европейцы жили бок о бок друг с другом, при этом практически не взаимодействуя» [9].

⁷Краткий информативный обзор историографии начала XXI в. представлен в одной из публикаций Б. Лоринга. (Loring B. «Colonizers with party cards»: Soviet internal colonialism in Central Asia, 1917–39 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2014. Vol. 15, No. 1. P. 80–82.)

европейского русскоязычного центра, т. е. большевики, несмотря на антиколониальную риторику нового режима, фактически опирались на царский опыт и идею цивилизаторской миссии западного типа. В противоположность этой точке зрения другие исследователи основными направлениями деятельности советской власти в Средней Азии называют гомогенизацию и модернизацию общества. По их мнению, советское управление было нацелено на установление равенства народов бывшей империи и использование практик соседних государств (Турции и Ирана), а не на идею культурного превосходства России. При этом подчеркивается активная роль местных среднеазиатских элит, которые не просто подчинялись Москве, а выступали как союзники центра в программах модернизации региона.

Если для мировой историографии обсуждение вопросов о колониализме (модернизации) является научной дискуссией, то для постсоветского пространства это, скорее, «войны памяти», в которых на первый план выходят идеологические и политические мотивы. Так, в литературе встречается следующее мнение: «Изменения, произошедшие за последнюю четверть века, значительно облегчили контакты между российскими и западными историками. И все-таки мы по-прежнему обитаем в разных мирах» [10, с. 5].

В самом общем виде преобладающая тенденция российских академических публикаций заключается в том, чтобы избирательно фрагментировать прошлое, «забывая» негативные составляющие колониальной истории и замещая их героическими и позитивными. С. Абашин выделяет три основных фактора формирования парадигмы российской исторической памяти о Центральной Азии: символическая конкуренция СССР и Запада, а также желание российских политиков и интеллектуалов представить себя другими по сравнению с западной элитой (с учетом особых отношений с Азией, исключая колониализм западного типа); восприятие и переписывание истории Российской империи и Советского Союза как истории русской нации; разработка новых видов созависимости с бывшими окраинами империи, которые стали самостоятельными странами⁸.

Ситуация постимперского существования, безусловно, не означает невозможности построения нормальных отношений между бывшим центром и бывшими окраинами, но для этого нужны готовность и способность избавиться от имперского дискурса. К сожалению, для значительной части российской историографии это остается серьезной проблемой.

Некоторые исследователи считают, что российской историографии гораздо удобнее развиваться в условиях консервативной стабильности, игнорируя новейшие и вообще любые альтернативные теоретические и методологические подходы к написанию истории [11, с. 9]. Можно привести стандартное для большинства российских авторов описание новых национальных историй: «По сути, все сводится к утверждению своего исторического права на землю, занимаемую сейчас тем или иным государственным образованием, и к формированию образа врага в лице России, всегда препятствующей счастливой жизни того или иного народа»⁹ [12, с. 110]. Анализируя подобный подход к историческим нарративам постсоветских государств, важно обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, новая российская история также построена на излагаемых принципах, только в образе извечного врага предстает Запад, видоизменяющийся в различные исторические эпохи. Во-вторых, во всех центральноазиатских историографиях подчеркивается, что право на землю, существовавшее в отдаленные исторические периоды, не является обоснованием современных претензий на чужие территории, в том числе и агрессивных внешнеполитических действий. В-третьих, в государствах Центральной Азии историческая политика по отношению к имперскому и советскому периодам отличается, поэтому попытки ее упрощения до некоей общей парадигмы искажают реальную ситуацию.

Практически все исследователи согласны с тем, что важнейшими составляющими исторической политики новых независимых государств являются вопросы нахождения на их территории древнейших цивилизаций, описания высшей исторической точки развития нации (золотого века), а также становления современной государственности. В последнем вопросе интерес представляет отношение к истории Российской империи и Советского Союза в контексте реализуемой государствами Центральной Азии исторической политики. В литературе встречаются мнения о том, что, «в отличие от царской России и европейских колониальных держав, которые противопоставляли свои метрополии колонизованным перифериям, Советский Союз определял себя как сумму своих частей» [13]. Ставить знак равенства между Российской империей и Советским Союзом невозможно. Точнее, невозможно это делать с научной точки зрения. В политико-идеологических же целях это делалось и делается.

В научной литературе сложились неоднозначные оценки национальной политики советской власти

⁸Абашин С. Верещагин без колониализма: как постсоветская Россия не отмечает 150-летие завоевания Средней Азии [Электронный ресурс] // Нов. лит. обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21985/ (дата обращения: 11.05.2023).

⁹При этом автор признает деколонизацию истории и срабатывание постколониального синдрома практически неизбежными в странах, которые получили возможность независимого развития, или в странах с имперским прошлым [12, с. 110].

в регионе. Однако, если выделить основную историографическую тенденцию, можно отметить постепенный переход от жесткой критики деятельности большевиков к более позитивным оценкам их действий¹⁰. Ф. Хирш заключает: парадоксальность ситуации состояла в том, что «...пока западные ученые писали о неожиданно “прогрессивном” характере советской национальной политики, политические лидеры и ученые в постсоветских национальных государствах заговорили на языке деколонизации... Создавая постколониальный нарратив, эти лидеры и ученые опирались на западные работы, написанные в разгар холодной войны и характеризовавшие Советский Союз как колониальную империю и “разрушителя наций”» [13]. Автор подчеркивает, что «...искусная политика большевиков в национальном вопросе помогла им выстроить альянсы с некоммунистами и выиграть Гражданскую войну. Царский режим, Временное правительство и белые пытались игнорировать национальную идею, а большевики интегрировали ее в свою идеологию и свое представление о Советском социалистическом государстве» [13].

Дореволюционная Россия была империей и формально, и реально. Следовательно, характеристика дореволюционного периода производится с использованием имперских категорий. Национальные окраины Российской империи были неоднородными, находились на разных стадиях экономического, политического и культурного развития. Отличной была и степень национального самосознания этих окраин. Однако, характеризуя Российскую империю в частности и империю как геополитическое явление в целом, можно отметить, что государство создавало и использовало властные структуры как центра, так и национальных окраин для контроля над «инородцами», не обеспечивая равных возможностей различным этническим и национальным группам. Распад Российской империи не являлся уникальным случаем. Если не впадать в различные столь популярные сегодня конспирологические объяснения, можно сделать очевидный вывод: время империй прошло. Если в XX в. распались все империи, почему Россия должна быть исключением? Процесс распада определили не заговоры отдельных лиц, не «мировая закулиса», а логика истории. Попытки противостоять этой логике и противодействовать естественному стремлению людей и наций к свобод-

ному существованию не могут сохранить империю и приводят к человеческим жертвам, гуманитарным катастрофам, крови и страданиям.

Действия советского правительства принципиально отличались от действий властей Российской империи. Авторы статьи разделяют точку зрения о том, что «в советское время очень многое уже было сделано для формирования национального самосознания нерусского населения: проведено национальное размежевание территории СССР с выделением титульных этнических групп, создана национальная интеллигенция и руководящие кадры, на национальных языках в республиках выходили книги и газеты, велось преподавание в школах и вузах, в каждой республике создавалась национальная версия истории, пусть и вписанная в общесоветский исторический нарратив» [14, с. 146]. Более того, современные национальные категории стали употребляться в качестве конкретных этнонимов лишь при советской власти, в имперский же период большинство жителей Средней Азии не определяли себя в национальных терминах. Т. Мартин вводит термин «империя позитивного действия», призванный объяснить уникальную политическую природу Советского Союза. Так, СССР не был ни традиционной империей (поскольку открыто провозглашал себя антиимпериалистическим государством), ни реальной федерацией (поскольку экономически и политически был унитарным государством), ни тем более государством-нацией (поскольку советская власть настойчиво поддерживала процесс национального строительства среди нерусских народов) [15, с. 141].

В Центральной Азии национальное размежевание и формирование республик в 1920-х гг. проходили в чрезвычайно сложных условиях¹¹. В национальных центральноазиатских историографиях данный процесс оценивается неоднозначно. Следует обратить внимание на позицию исследователей, которые отмечают, что было бы неверно говорить о полном нивелировании или демонизации совместного прошлого России и стран Центральной Азии. В Казахстане, например, обвинения в принудительной русификации казахов и в других «имперских грехах» уживаются с признанием существенной роли СССР в модернизации региона. В историографии современной Киргизии делается акцент на том, что киргизы добровольно искали покровительства Российской империи в XVIII–XIX вв. Показательным

¹⁰Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2001. 496 p. ; A state of nations: empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin / ed.: R. G. Suny, T. Martin. Oxford : Oxford Univ. Press, 2001. 307 p. ; Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2005. 367 p. (Все книги опубликованы и в переводе на русский язык.)

¹¹Народы многонационального региона находились на разных уровнях экономического и социально-политического развития. Наряду с оседлыми таджиками и в основном оседлыми узбеками в Средней Азии проживали казахи Старшего жуза, киргизы, туркмены и каракалпаки, ведущие кочевой образ жизни. В течение нескольких столетий власть в регионе находилась в руках узбекских правителей Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Большинство городов на землях, где кочевали казахи и киргизы, были построены узбеками. В то же время самые древние города Средней Азии – Бухару и Самарканд – до 1925 г. населяли в основном таджики. Между народами региона (шиитами, суннитами, исмаилитами) существовала не только национальная, но и конфессиональная рознь. Ситуация усугублялась наличием большого числа национальных анклавов и сложнейшей национальной чересполосицей, особенно в Ферганской долине [16, с. 6].

в этом смысле является празднование 90-летия со дня образования Киргизской АССР и 80-летия со дня образования Киргизской ССР. В Таджикистане же нахождение государства в составе СССР восприни-

мается в категориях не доминирования, а защиты таджикской культуры, языка и государственности, что усиливается стержневым характером распространенной в государстве арийской идеи [17, с. 68].

Заключение

Репрезентация национальной истории в государствах Центральной Азии сложилась в достаточно устойчивую схему. Национализм, как сплав героического и жертвенного нарративов, составил основу исторической политики. Во всех государствах историографический нарратив базируется на представлении собственной истории как многовекового (или многотысячелетнего) процесса, а также на этноцентризме и всемирной значимости национальной истории и культуры, оказавших первостепенное влияние на динамику мирового развития. Национальная история характеризуется как перманентное движение к суверенитету, который для большинства историков является синонимом свободы. Подобная парадигма характерна как для всех постсоветских государств, так и практически для всех новых независимых государств. Выстраивание такой схемы совершенно естественно для периода формирования и укрепления государственности, а также обретения независимости. Подобные мифологизированные исторические нарративы присущи и старым нациям (государствам) с оговоркой, что их восприятие вызывает значительно меньше эмоций именно в силу давности и привычности существования.

Вместе с тем было бы иллюзией утверждать, что советская трактовка культуры и идентичности в Центральной Азии ушла в небытие. Она, скорее, преобразилась и сегодня представляет собой соединение постколониальных и постимперских подходов с советскими методами историко-политической интерпретации. М. В. Кирчанов отмечает, что «из всех элементов советского политического наследия, вероятно, самыми устойчивыми следует признать те, которые связаны с политизацией истории и формированием коллективных идентичностей» [18, с. 47]. Возможно, процесс и не мог развиваться по-другому в силу того, что политические и интеллектуальные (научные) элиты постсоветских государств состояли в большинстве своем из национальных советских элит. Бывшие советские функционеры могли предложить только те формы реализации исторической

политики, которыми они владели. Конечно, воспроизводство идеологии приспособлялось к новым условиям строительства нации и государства, однако сохраняло и сохраняет многие советские практики¹².

Во всех государствах Центральной Азии действуют структуры, ответственные за исследование и формирование исторической памяти. Современные национальные нарративы в этих странах строятся на принципах монопольности, мифологичности, упрощения, медийности, доступности и способствуют мобилизации социума и централизации государственного управления. Складывающиеся в сфере политики памяти структуры исследователи называют режимами памяти, функцией которых является извлечение политической выгоды из трансформаций исторических нарративов в современных медиа¹³ путем использования мифологизированного привлекательного прошлого.

Взаимные претензии между бывшими советскими республиками, вызванные экономическим противостоянием, военными конфликтами и формированием новых политических альянсов, значительно усилили разобщенность в академической среде: «Геополитическое напряжение между основными акторами глобальной политики привело к расколу среди сильно политизировавшихся постсоветских и восточноевропейских интеллектуалов, о чем можно судить как по академическим публикациям, так и по характеру дискуссий в социальных медиа» [1, с. 52]. Вполне вероятно, что с течением времени в Центральной Азии возникнет необходимость в написании региональной истории, будут созданы условия для совместного анализа прошлого, а также будет найдено понимание невозможности перенесения современных этнических, национальных, государственных категорий в другие исторические эпохи. Однако пока региональной консолидации как в отношении настоящего, так и в отношении прошлого не произошло. Авторам трудно согласиться с утверждением о том, что «формирование традиций и новых опорных мифов в государствах

¹²Новая политическая реальность 1991 г. возникла неожиданно для значительной части граждан бывшего СССР, многие постсоветские государства стали «нациями поневоле». Так, Д. Э. Летняков пишет о том, что «...бывшие союзные республики в основном не являлись гомогенными в этнокультурном смысле, а кроме того, сразу же после распада Советского Союза они вынуждены были пройти через болезненную социальную и экономическую трансформацию, перед элитами этих государств с самого начала встала задача легитимации нового независимого существования и консолидации общества. А для этого нужно было создать политическую нацию со своими мифами и нарративами, обосновать правомерность ее нахождения в существующих границах, обеспечить лояльность населения новой власти, сформировать чувство солидарности и общности по истории и судьбе» [14, с. 145].

¹³Николаи Ф. Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти [Электронный ресурс] // Нов. лит. обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23161/ (дата обращения: 11.05.2023).

Центральной Азии оказывает прямое воздействие на выстраивание внешнеполитического курса страны» [19, с. 156]. С точки зрения авторов статьи, при всей сложности взаимодействия прошлого и настоящего ситуация зеркальна. Не исторические мифы оказывают влияние на политику, а политика целенаправленно формирует их. Региональные и глобаль-

ные проблемы не позволяют странам Центральной Азии выработать единую стратегию, касающуюся исторической памяти. Представляется, что именно национально-государственный и постколониальный дискурсы будут преобладать в историографических и историко-политических центральноазиатских нарративах.

Библиографические ссылки

1. Усманова А. Дебаты о постсоциализме и политики знания в пространстве множественных «post-». *Социологическое обозрение*. 2020;19(3):44–69. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-44-69.
2. Глебов С, редактор-составитель. *Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири* [Интернет]. Москва: Новое издательство; 2013 [процитировано 12 мая 2023 г.]. Доступно по: <https://flibusta.club/b/389267/read>.
3. Репина ЛП. История регионов, или «Территория историка» после пространственного поворота. *Диалог со временем*. 2020;69:5–16.
4. Лебедева МЛ. Аспекты понимания термина «регион»: политико-историческая аградация. *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2018;4(2):30–37. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-2-30-37.
5. Про А. *Двенадцать уроков по истории*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. 336 с.
6. Казаринова ДБ, Дунамяян НА. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции. *Политическая наука*. 2022;1:52–79.
7. Болтунова ЕВ, Боярченков ВВ, Санндрленд В. *Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на) значение* [Интернет]. Москва: Новое литературное обозрение; 2021 [процитировано 12 мая 2023 г.]. Доступно по: <https://flibusta.club/b/648243/read>.
8. Пашковский ПИ. Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство». *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2015;1(67);4:41–48.
9. Халид А. *Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период* [Интернет]. Тверьянович К, Рудакова А, переводчики. Санкт-Петербург: Библиороссика; 2022 [процитировано 12 июля 2023 г.]. Доступно по: <https://flibusta.club/b/692625/read>.
10. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. *Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции*. Москва: РОССПЭН; 2019. 285 с.
11. Кирчанов МВ. Политизация исторического знания и национализм в транзитных обществах (проблемы и противоречия). *Общество: политика, экономика, право*. 2014;3:8–12.
12. Скаков АЮ. Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана. *Историческая экспертиза*. 2016;1:110–120.
13. Хирш Ф. *Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза* [Интернет]. Ибатуллин Р, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2022 [процитировано 12 мая 2023 г.]. Доступно по: <https://djuv.online/file/X5SvCOZ4CIIJF>.
14. Летняков ДЭ. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах. *Мир России*. 2016;25(2):144–167.
15. Новикова ЛГ. Советская национальная политика в оценках трех западных историков. *Отечественная история*. 2006;4:140–145.
16. Дьякова Н. Территории постсоветских республик: от истории к современности. *Россия и новые государства Евразии*. 2011;2:51–73.
17. Франц ВА. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 2020;3(40):54–73. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304.
18. Кирчанов МВ. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013;(21):46–53.
19. Плотников ДС. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2016;2:156–167.

References

1. Usmanova A. The debates on post-socialism and the politics of knowledge in the space of the plural «post's». *Russian Sociological Review*. 2020;19(3):44–69. Russian. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-44-69.
2. Glebov S, editor-compiler. *Region v istorii imperii. Istoricheskie esse o Sibiri* [Region in the history of the empire: historical essays on Siberia] [Internet]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2013 [cited 2023 May 12]. Available from: <https://flibusta.club/b/389267/read>. Russian.
3. Repina LP. History of the regions, or «Historian's territory» after spatial turn. *Dialogue with Time*. 2020;69:5–16. Russian.
4. Lebedeva ML. Aspects of understanding of the term «region»: political and historical transformation. *Vestnik of the Mari State University. Chapter «History. Law»*. 2018;4(2):30–37. Russian. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-2-30-37.
5. Pro A. *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve history lessons]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2000. 336 p. Russian.
6. Kazarinova DB, Dunamalyan NA. Trajectories of development of post-Soviet identities: approaches, models, trends. *Political Science*. 2022;1:52–79. Russian.

7. Boltunova EV, Boyarchenkov VV, Sannderlend V. *Regiony Rossiiskoi imperii: identichnost', reprezentatsiya, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, (appointment) meaning] [Internet]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. [cited 2023 May 12]. Available from: <https://flibusta.club/b/648243/read>. Russian.
8. Pashkovsky PI. The problem of interpreting of the concept «post-Soviet space». *Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Cultural studies*. 2015;1(67);4:41–48. Russian.
9. Halid A. *Sozdanie Uzbekistana: natsiya, imperiya i revolyutsiya v rannesovetskii period* [The making of Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early Soviet period] [Internet]. Tver'yanovich K, Rudakova A, translators. Saint Petersburg: Bibliorossika; 2022 [cited 2023 May 12]. Available from: <https://flibusta.club/b/692625/read/>. Russian.
10. Skhimmel'pennink van der Oie D. *Russkii orientalizm. Aziya v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the White emigration]. Moscow: ROSSPEN; 2019. 285 p. Russian.
11. Kirchanov MV. [Politicisation of historical knowledge and nationalism in transitive societies (problems and contradictions)]. *Society: Politics, Economics, Law*. 2014;3:8–12. Russian.
12. Skakov AYu. [Trial history textbooks for Russian language classes in secondary schools in Turkmenistan]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016;1:110–120. Russian.
13. Hirsh F. *Imperiya natsii: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuz* [Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union] [Internet]. Ibatullin R, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2022 [cited 2023 May 12]. Available from: <https://djvu.online/file/X5SvCOZ4CIIJF>. Russian.
14. Letnyakov DE. Nation-building: identity policies in post-Soviet states. *Mir Rossii*. 2016;25(2):144–167. Russian.
15. Novikova LG. [Soviet national policy in the assessments of three Western historians]. *Otechestvennaya istoriya*. 2006;4:140–145. Russian.
16. D'yakova N. [Territories of the post-Soviet republics: from history to the present]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2011;2:51–73. Russian.
17. Frants VA. The potential of the soft power of historical memory in the mutual rapprochement of residents of the Central Asian countries and Russians. *Scientific Journal «Discourse-P»*. 2020;3(40):54–73. Russian. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10304.
18. Kirchanov MV. [Historical science in political debates and national building (post-Soviet experience)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2013;(21):46–53. Russian.
19. Plotnikov DS. Construction the past of Central Asia in the context of building relations with Russia at the present stage. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2016;2:156–167. Russian.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023.
Received by editorial board 20.06.2023.